

ЧТО Я ДУМАЮ О ТЕАТРЕ БУДУЩЕГО

Юрий ЗАВАДСКИЙ,
народный артист СССР

Мы живем в такие дни, когда мысли о завтра во всех областях нашей жизни и, конечно, нашего искусства представляются чем-то вполне реальным и обязательным. Впрочем, в той области, в которой приходится действовать мне, — в области театра, в области искусства вообще, предсказания или даже мечты вряд ли могут быть рассмотрены или, вернее, допущены с той мерой их достоверности, в какой эта достоверность присуща областям, где планирование более закономерно, — скажем, в экономике или даже в области технического прогресса.

Поэтому мои соображения о будущем театра — это скорее желанная мечта, нежели предсказание.

Естественно, что когда я говорю от своего лица, я имею в виду театральную школу, к которой принадлежу, — широко понятую школу Станиславского. Я говорю «широко понятую» потому, что кое-где за рубежом, да и не только за рубежом, существует весьма ограничительный, узко понятый Станиславский — изысканный психолог в искусстве и в то же

время художник, близкий к натурализму.

Для нас Станиславский — это все самое высокое в искусстве, все то, что стремится средствами искусства воздействовать на жизнь, борясь за человеческое в человеке, обрушиваясь всей уничтожающей силой гнева, иронии, насмешки на злое, мелкое, пошлое, обывательское, звериное в человеческих взаимоотношениях. Помните, что Гоголь говорит о российских сатириках? — «Огнем негодования лирического зажигался беспощадная сила их насмешки».

Я глубоко убежден в том, что подобное понимание Станиславского в театральном искусстве будет все полнее и мощнее утверждаться в нашей действительности, среди деятелей театра всех стран.

Всякое искусство так или иначе связано с жизнью и зависит от развития жизни. Театр, может быть, в этом смысле наиболее яркий тому пример. Поэтому более чем закономерно утверждение, что театр вплотную зависит от того, как живет и чем живет народ, чьи интересы, чей талант и чьи надежды театр отражает.

Для Станиславского и его последователей характерно убеждение в том, что, несмотря на те или иные препятствия и задержки, жизнь движется к справедливости и красоте. Сам Станиславский убежденно и стойко верил в будущее гармоническое человечество. И думая об этом «завтра» человечества, Станиславский считал, что искусство театра станет «Книгой жизни», как бы осуществит великую миссию духовного возрождения человечества.

Когда я вспоминаю, с какой фанатичной и светлой убежденностью говорил об этом Константин Сергеевич Станиславский, мне кажется, что в эти минуты он слышал величественную музыку завтрашней жизни, завтрашнего искусства в этой жизни.

Сегодня рядом с театром возникло кино и телевидение, которые в каком-то смысле стремятся вытеснить театр, обладая гораздо большим радиусом воздействия, способным охватить «в один прием» миллионы зрителей и слушателей. Они этими своими качествами превосходят театр.

Масштабностью и богатством превосходят они театр, возможностью привлечь любые «звезды», построить любые декорации, оснастить международные экспедиции...

Единственное, чего они не могут сделать — и в этом великое преимущество театра, — установить непосредственный контакт между творческими и воспринимательными, то, что создает неповторимую праздничность, таинственность, магическую силу воздействия искусства театра. Думаю, что если суждено театру существовать, то развиваться он будет только в этом направлении, объединяя людей, создавая торжественный поэтический подъем, вызывая глубокие духовные потрясения, окрыляя человека для высоких дел.

За Станиславским стоит его огромная, неслышимая вера в жизнь, в радость, в торжество духа, следовательно, в справедливость, в любовь, доброжелательство, в истинную, щедрую, нелицеприятную дружбу между народами и людьми. Вера в то, что в жизни восторжествует закон «человек человеку брат» и театру будет принадлежать роль проводника в утверждении этого закона любви и дружбы.

Конечно, в далекие будущие времена театр приобретет иную внешнюю форму. Может быть, даже кино и телевидение будут рассматриваться в качестве механических, технических средств существования этого театра.

А вот вся театральность таких жизненных событий, как, скажем, фестивали или спортивные Олимпиады, праздники искусств — все это будет от года к году насыщаться все более высоким смыслом, чтобы стать, как у нас сегодня принято говорить, «на вооружение» в борьбе света со тьмой. Ибо, как сказал Пушкин. «гений и злодейство — две вещи несовместные».

Отличие науки от поэзии в том, что научные достижения непрерывно перекрываются последующими. Достижения же подлинной поэзии живут в мире бессмертия. И в завтрашнем мире добра и справедливости они как бы обретают новую жизнь. Вот почему можно сегодня позволить себе мечтать о великом будущем искусстве театра, и не только мечтать, а и верить в то, что оно однажды осуществится на Земле.

(АПН)